

Я буду
держаться тебя
за руки

Юлия Монакова

Юлия Монакова

Я буду держать тебя за руку

«ИП Стрельбицкий»

Монакова Ю.

Я буду держать тебя за руку / Ю. Монакова — «ИП Стрельбицкий»,

У каждого в шкафу свои скелеты. Галинку, талантливую девушку из солнечного Крыма, приглашают в популярное вокальное телешоу. Где-то там, в равнодушно-глянцевой столице, живёт её первая детская любовь... Выпускница актёрского вуза Вика замужем за замечательным человеком, но растит ребёнка от другого. Её мать много лет находится в психиатрической больнице. А тут ещё появляются призраки из прошлого - отец и брат, которых она никогда прежде не видела... Александр - знаменитый артист, переживающий кризис среднего возраста. За его плечами два неудачных брака и множество таких же несчастливых романов... Каждому из героев предстоит пройти проверку на прочность, чтобы обрести нового себя.

Содержание

ЧАСТЬ 1. СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ	6
Александр Белецкий	7
Виктория Белкина	13
Галина Тесленко	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Монакова

Я буду держать тебя за руку

Все персонажи и события вымышленные, а любые совпадения – просто случайность, за которую автор ответственности не несёт.

ЧАСТЬ 1. СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ

*Когда начнёт казаться – хуже нет,
Поверь, что есть, и это впереди.
И жизнь прерывиста, как интернет,
И чистый новый лист – поди найди.
Но ты люби. Не подними руки,
Не заслонись от ветра, – это жизнь.
Пронзает окна, стены, этажи...
...Но ты его люби. И удержи.*

Анна Долгарева aka Лемерт

Александр Белецкий

– Саша, что мне теперь делать, а?! – в голосе бывшей жены явственно слышались истерические нотки. – Где её искать? Куда бежать?!

Александр опустил в кресло, мысленно отдав себе приказ успокоиться, чтобы не запаниковать вслед за ней.

– Так, во-первых – бежать никуда не надо, – сказал он решительно и одновременно умиротворяюще. Уж чем-чем, а голосом своим, как и все актёры, Белецкий умел пользоваться великолепно. Сейчас в его уверенном тоне слышалось примерно следующее: «Не бойсь, дурёха, я что-нибудь придумаю, всё будет хорошо!»

Ангела коротко всхлипнула напоследок и послушно затихла, приготовившись внимать экс-супругу.

– Во-вторых, давай рассуждать здраво. Ты говоришь, что мобильный она отключила... К кому она могла сорваться среди ночи без звонка? У неё есть парень?

– Нет... Вроде бы, сейчас нет, – поправилась Ангела. – Хотя она не очень-то откровенничала со мной в последнее время. Мы с ней то и дело цапались. Но прошлого её мальчика, Андрюшу, я хорошо знаю, это её одноклассник. Они расстались несколько месяцев назад.

– Ты ему звонила? – быстро спросил Белецкий.

– Звонила, конечно... И подруг всех на уши подняла. Пока ни у кого из них Дашка не объявлялась. Если, конечно, они её не покрывают.

– А у твоей мамы её быть не может?

– Ой, ты знаешь... Я об этом не подумала, – оживилась Ангела. – Сейчас же её наберу... Саш, но мне всё-таки кажется, что она рано или поздно объявится у тебя.

– С чего ты взяла? Мы с ней редко виделись в последние месяцы. Да и вообще, Дашка не склонна делиться со мной своими личными проблемами. Вернее, она вообще ни с кем не склонна этим делиться, – невесело подытожил он. – Кто знает, что у неё на сердце...

– Да она же тебя боготворит! – возразила Ангела с явными нотками ревности. – «Папа такой, папа сякой, папа то, папа сё...» Иной раз уши в трубочку сворачиваются, – обиженно добавила она. – Ты для неё – непререкаемый авторитет во всём. Так что по-любому она прибежит к тебе жаловаться на меня... если, конечно, с ней всё в порядке, – голос её дрогнул.

– Успокойся, Анжел, – подбодрил он, – не сходи с ума раньше времени. Даша уже не маленькая, ей семнадцать лет. Думаю, поспихует чуток и включит мозги. Давай просто подождём.

– Сашка... – она замолчала на несколько секунд, борясь с подступающим к горлу и уже рвущимся наружу плачем. – Если бы ты только слышал, что она мне наговорила! И этот тон, и ненавидящие глаза... Спаси её, пожалуйста. Только ты можешь это сделать! – патетически воскликнула она. – Дашка же вбила себе в голову, что хочет артисткой стать... Представляешь?!

– Ну, с такими-то родителями ей сам бог велел, – рассеянно пошутил Белецкий, однако бывшая жена не оценила юмора.

– Господи, что ты несёшь! Сам же знаешь, что это путь в никуда! Сколько актёрских факультетов в Москве? И на каждый ежегодно пытается поступить около пяти тысяч человек. Пяти тысяч!!! – повторила она внушительно. – Поступает в итоге лишь несколько десятков, а в профессии себя находят и вовсе единицы. Что ей потом – всю оставшуюся жизнь вкалывать в ампулу «овсянка, сэр»?

Ангела знала, о чём говорит – она сама была третьеразрядной актрисой одного из захудалых столичных театров. Московская публика на их спектакли почти не ходила, поэтому жила труппа в основном за счёт гастролей, разъезжая по таким глухим провинциям, от кото-

рых брезгливо, по-барски, воротили нос звёзды первого эшелона – ведь тамошние организаторы понятия не имели о том, что такое «райдер».

Гастролировали по городам и сёлам, совсем, казалось, не тронутым цивилизацией. Глядя из окна поезда или автобуса на унылый провинциальный пейзаж, как ксерокопия похожий на предыдущий, Анжела тоскливо вздыхала. Впрочем, в подобных городках труппа получала какую-никакую отдачу: неискушённые местные зрители охотно брали билеты на артистов «с Москвы» и не судили строго, добросовестно хлопая, поднося букеты недорогих цветов и даже пьяненько выкрикивая «браво».

Отыграв спектакль в Доме Культуры очередного Усть-Пердуйска (сколько их было на её памяти – десятки? сотни?..), Анжела одиноко шла в гостиницу и пыталась уснуть, в то время как остальная труппа, собравшись в чьём-нибудь номере, дружно глушила водку. Анжела давно перестала искать утешения в алкоголе, поняв, что это лишь морок, иллюзия забвения; наркотиков же она панически боялась – это и держало её на плаву, не позволяя совершенно потерять человеческий облик. Ворочаясь на неудобной железной кровати с провисшей чуть не до пола панцирной сеткой в убогом и пыльном гостиничном номере, Анжела безушешно плакала об ушедшей молодости, несбывшихся мечтах и несостоявшейся карьере...

В соседнем номере артист их труппы Федька Бурлаков – потасканный герой-любовник с полустёртыми следами былой привлекательности – привычно обхаживал очередную хорошенькую здешнюю простушку. Через стену отчётливо была слышна вся их возня, и Анжела накрывала раскалывающуюся голову подушкой. После дешёвого и невкусного комплексного ужина из местной столовой женщину мучила изжога. Возвращалась с таких гастролей она обычно совершенно разбитой. А теперь ей предлагают добровольно толкнуть на этот путь единственную дочь?!

– Ну, зачем же заранее настраиваться на негатив, – мягко пожурил её Белецкий. – Извини, Анжел, но если у тебя лично не получилось – это ещё не значит, что у Дашки тоже ничего не выйдет.

Анжела, глубоко уязвлённая его замечанием, не нашлась, что ответить.

– А вообще, мне кажется, – продолжил он с внезапным вдохновением, – что Дашка вполне могла бы стать актрисой. Я даже почти уверен в этом.

– Ты спятил? – коротко осведомилась бывшая жена. – Уверен он... да с чего вдруг такая уверенность?

– У неё пытливый взгляд на окружающий мир, наблюдательность, повышенная эмоциональность, – принялся перечислять Александр. – Она чутко реагирует на действительность. К тому же, ни театральным, ни киношным закулисем её не испугать, она среди этого выросла. Так что, думаю, – резюмировал он, – Дашка как раз прекрасно знает, на что идёт, и отдаёт себе отчёт в совершаемом поступке. Впрочем, чего сейчас-то истерить? Время ещё есть. Она может хорошенько подготовиться к поступлению...

– Ты соображаешь, что несёшь?! – выкрикнула Анжела в отчаянии. – А если она не поступит?

– Ну, не поступит – велика трагедия! Что ты причитаешь, как умная Эльза. Может быть, поймёт, что актёрство – не её призвание. В конце концов, ей же не в армию идти. Успеет ещё окончательно определиться с профессией. Я, кстати, могу пока устроить её куда-нибудь на студию. Пусть подработает немного...

– Кем?! – заполошно вскричала она.

– Да что ж ты кудахчешь, как квочка? Ну, к примеру, ассистентом. Или хоть курьером. Повращается в киношной среде и поймёт, надо ли ей это. Чего ты так боишься? – недоумевающе спросил он.

– Ох... – вздохнула Анжела. – Просто хочу уберечь её от собственных ошибок. Если бы я знала в своё время... то никогда в жизни не пошла бы в театральный вуз!

– Это твой опыт и твоя жизнь, – прижимая мобильный плечом к уху, Белецкий достал сигареты. – Чтобы сделать какие-то выводы, каждый человек должен ошибиться самостоятельно. Нужно лично набить шишки, понимаешь? – он чиркнул зажигалкой и затянулся.

– Но ведь своя... родная, кровиночка, – жалобно протянула Анжела. – Хочется уберечь её от этих самых шишек! Ты, наверное, просто не в состоянии понять...

– Почему это? – Александр нахмурился.

– Ну, ты же... – она смутилась. – Ладно, забудь. Меня что-то не в ту степь понесло.

– Понятно. Хотела в очередной раз ткнуть меня носом в то, что Дашка мне не родная? – холодно переспросил Белецкий.

– Ну, прости, – трусливо заюлила Анжела. – Я вовсе не это имела в виду. Ты для неё – самый что ни на есть родной отец, я ляпнула не подумав...

– Ладно, – вздохнул он, чувствуя внезапно навалившуюся усталость и мечтая закончить тяжёлый разговор. – Если она здесь объявится, я сразу же дам знать. Ну и ты держи меня в курсе. Периодически проверяй, не включила ли она телефон. Я тоже буду звонить...

– Спасибо, Саша, – торопливым заискивающим тоном произнесла она. – Пока, до связи.

Он снова глубоко вздохнул. Настроение Анжелка ему всё-таки испортила... Вот же талант у человека – брякнуть какую-нибудь гадость, а потом извиняться.

Без всякой надежды он набрал Дашин номер. «Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сообщил ему равнодушный автоматический голос. Куда же её понесло, дурынду? Ночь на дворе...

Александр Белецкий и Анжела Климова поженились ещё студентами. Они никогда не были влюблены друг в друга – просто однокурсники и хорошие приятели, не более того. В один и тот же период оба пережили не очень удачные романы: Александр любил девушку, которая не отвечала ему взаимностью, а Анжела встречалась с женатым, который ничего ей не обещал. Думая привязать к себе любовника навеки, Анжела, как все глупые и наивные девчонки, постаралась «залететь». Однако её благоверный, узнав о беременности, устроил скандал, угрожал и требовал немедленно решить проблему. Она металась, ревела, трусила делать аборт, но растить ребёнка без отца тоже боялась. Александру стало жаль дурёху... Отчасти из этого чувства жалости, отчасти назло девице, которая пренебрегла его чувствами, он и предложил однокурснице разумный, как ему тогда казалось, выход из положения – расписаться. Этакий благородный жест: разочаровавшийся в любви юный джентльмен спасает честь опозоренной леди.

То, что их брак – ошибка, стало понятно чуть ли не в загсе. Но отступать было поздно, стыдно, да и некуда. Все были уверены, что Белецкий – отец будущего Анжелкиного ребёнка, и когда Даша родилась, он покорно продолжил играть выдуманную роль. Постепенно он и сам привязался к девочке, полюбил её, искренне считая своей дочерью. О том, что по крови они с ней чужие, не был в курсе никто, даже его мама – она не приняла бы неродную внучку. Тем более, к невестке она симпатии не испытывала и брак сына никогда не одобряла.

Они довольно скоро разошлись с женой, но Александр продолжал регулярно видеться с дочерью, забирая её к себе на выходные или каникулы. Он был для Даши кумиром, центром Вселенной... Возможно, потому, что, в отличие от непутёвой матери, отец стал настоящей суперзвездой отечественного кинематографа, и девочка смотрела на него с гордостью и восхищением.

Он был нереально, сумасшедше талантлив. На его спектакли ломилась публика, а все фильмы с его участием становились дико популярными: уже одно его имя в титрах было, как

правило, залогом будущего успеха. К тому же, природа одарила Белецкого ещё и яркой внешностью – такой, что люди оборачивались бы ему вслед, даже не будь он актёром. Помимо красоты, в нём было ещё и то, что принято называть «породой», – стать истинного аристократа, принца голубых кровей, благороднейшего из смертных.

Даше льстила известность родителя – это позволяло ей держаться в школе независимо и чуть свысока не только со сверстниками, но даже с учителями. Все одноклассницы хотели с ней дружить, жадно расспрашивая об отце и бесстыдно набиваясь в гости, чтобы хоть одним глазком взглянуть на знаменитого артиста вживую. Да что там одноклассницы – даже директриса предклимактерического возраста, заливаясь стыдливым девичьим румянцем, нерешительно намекала: мол, что это у тебя, Дашенька, всё мама да мама на родительские собрания ходит, пора и папе как-нибудь выбратся.

Пару раз он организовывал для Дашиного класса культпоходы в собственный театр; иногда уступал настойчивым приглашениям и устраивал в дочкиной школе что-то вроде творческого вечера. В столовой, служившей также актовым залом, раздвигали в стороны все столы, украшали помещение живыми цветами и воздушными шариками, торопливо создавали импровизированную стенгазету, посвящённую творчеству актёра и украшенную вырезками из журналов. В зале невозможно было протолкнуться – народу набивалось под завязку. Белецкий восседал посреди сцены на директорском стуле, изящно положив ногу на ногу, и терпеливо отвечал на вопросы, которые ему передавали на листочках смущённые и взволнованные зрители. Впрочем, содержание этих записок не блистало разнообразием: через одну следовали признания в любви с номерами телефонов, причём нельзя было с уверенностью утверждать, писала ли это школьница или какая-нибудь учительница начальных классов. Выдержав час-полтора добровольной пытки, Белецкий галантно целовал ручку млеющей директрисе и с облегчением откланивался.

Само собой, у него не было отбоя от женщин. После развода с Анжелой он, уже не скрываясь, завязывал многочисленные романы и романчики с партнёршами по съёмочной площадке или спектаклям. Затем, затосковав по теплу семейного очага, Белецкий снова попытался построить серьёзные отношения – сделал предложение телеведущей Екатерине Вавиловой. Этот союз тоже оказался кратковременным, поскольку они с Катей были совершенно разными людьми. Однако во время скоростно скончавшегося брака всё-таки успел вскрыться не слишком приятный факт: оказывается, Александр не мог иметь детей. Вернее, его проблемы требовали длительного и дорогого лечения, лучше всего за границей, без которого вероятность зачать ребёнка сводилась практически к нулю.

Белецкий принял своё бесплодие как данность и со временем даже перестал сожалеть об этом. У него уже была дочь – Дашка, любимая, непосредственная, славная девчонка, и он набил бы морду всякому, кто попытался бы её обидеть. То, что они не родные, в конце концов совершенно стёрлось у него из памяти. Она была его дочерью – и точка. Посторонние люди с лёгкостью находили у них общие черты, несмотря на то, что чисто физического сходства не наблюдалось. Но Даша тоже была красавицей, да и статью походила на Белецкого – такая же тонкая, благородная и изящная, в отличие от обрюзгшей, рано потерявшей форму и не следящей за собой матерью.

Раздался звонок домофона. Александр облегчённо выдохнул и улыбнулся сам себе – вот и блудная дочь заявила! Поднявшись с кресла, он двинулся в прихожую, ни на секунду не сомневаясь, что это именно Даша. Опережая его, из глубины квартиры выскочил Риф – длинношёрстный колли, красавец, баловень и любимец Александра – улыбаясь во всю пасть и заранее молотя хвостом от нетерпения.

Домработница открыла дверь и впустила в квартиру насупленную, разобиженную на весь мир строптивую девчонку.

– Привет, пап, – шмыгнув носом и пряча взгляд, хмуро проговорила дочь. – Можно, я сегодня у тебя переночую? Фу, Риф, перестань! – засмеялась она, не в силах больше сохранять суровость, в то время как пёс поставил передние лапы Даше на плечи и принялся неистово вылизывать её лицо.

Александр попытался изобразить спокойствие. На самом-то деле больше всего на свете сейчас он хотел отчитать своё непутёвое дитя за сумасбродство – и одновременно обнять, от всей души взлохматить ей волосы и чмокнуть в макушку.

– Ты без звонка, – заметил он. – А если бы я был на съёмках или вообще не в городе? Куда бы ты подалась в два часа ночи?

– Ну, тётя Глаша-то по-любому дома, – махнула рукой Даша, другой рукой почёсывая гриву балдеющего Рифа. – А мобилу я спецом отключила, чтобы не беспокоили... некоторые.

– Некоторые – это мама? – безжалостно уточнил он. – То есть, она не в курсе, где ты болтаешься ночами?

Губы у Даши трогательно задрожали.

– Я не вернусь домой, – отозвалась она, опустив голову и снова шмыгнув носом. – Видеть её не хочу. Я её ненавижу!

– Да-да, я в курсе, ненавидишь и желаешь ей сдохнуть, – подтвердил Белецкий. – Право, Даш, я от тебя такого не ожидал. Детский сад какой-то. Некрасиво и глупо. Тем более, по отношению к собственной матери.

– Настучала уже? – Даша недобро прищурилась. – Я так и знала...

– Она у тебя одна. Других не будет.

– Да лучше бы и этой не было! – выкрикнула она в запале. – Она абсолютно невыносима, даже ты не смог с ней жить, потому что...

– Замолчи! – прикрикнул на неё Белецкий. – Эти проблемы – дело не твоего ума. Какие бы у нас с мамой ни были отношения, мы – твои родители. Мы несём за тебя ответственность, переживаем за тебя...

– Пап, может, хватит лекций? – она досадливо и зябко поёжилась. – Я, вообще-то, дико замёрзла и ноги промочила, по улицам уже несколько часов брожу. Можно, я хоть согреюсь и переоденусь?

Он опомнился. И в самом деле – нашёл время читать нотации... Главное – Дашка жива и здорова.

– Ладно, – он потёр виски, – и в самом деле, не сейчас... Но мы с тобой ещё вернёмся к этому разговору, – добавил он строго, чтобы она не расслаблялась.

– Через полчаса буду готова к тому, чтобы ты вёл среди меня разъяснительную работу, – съязвила она. Он только шикнул:

– Быстро в горячую ванну!!!

Даша тут же повеселела, поняв, что прощена и всё обернулось для неё как нельзя удачнее.

– Так я у тебя поживу? – умильно взглянув на него своими ясными глазами, уточнила она. Белецкий нахмурился.

– Вообще-то, поначалу речь шла всего лишь о ночёвке...

– Ну, не выгонишь же ты родную дочь на улицу в ночь холодную! – она совсем развеселилась. – Пап, я не буду тебе мешать, честно-честно! Да ты приводи сюда кого хочешь и спи с кем хочешь, я же не против.

– Разговорчики! – приструнил он её, несколько ошарашенный.

– Ну, а что? Я же всё понимаю... Буду сидеть у себя в комнате тише воды, ниже травы!

– А как же школа?

– Блин, пап, какая школа! У нас весенние каникулы целую неделю.

Что и говорить – она прекрасно всё рассчитала. Он только усмехнулся её бесцеремонности. Что ж, пусть поживёт пока... Это всяко лучше, чем выставить её вон – Дашка упрямая, к матери сейчас точно не вернётся, с неё станет кочевать по друзьям, чердакам и подвалам.

– Ну, хорошо, – согласился он с притворной строгостью. – Тогда будешь трижды в день выводить Рифа на прогулку – тётя Глаша устаёт от беготни по двору и окрестностям, а ты девица молодая и здоровая, ноги длинные... Должна же и от тебя быть хоть какая-то польза.

– ОК, договорились, – кивнула Даша, впрочем, несколько поскучев лицом. Она планировала вести у отца праздную, лениво-сытую жизнь, а теперь придётся просыпаться с утра пораньше, чтобы выгуливать собаку.

– Тётя Глаша! – позвал Белецкий. – Осталось у нас что-нибудь от ужина? Разогрей и покорми эту бродяжку, пожалуйста.

– Бедная девочка, – пробормотала домработница, удаляясь на кухню. За ней тотчас же поскакал радостный Риф – неужели снова поесть дадут?..

Услышав, что в ванной щёлкнула дверная задвижка и полилась вода, Белецкий потянулся за телефоном – нужно было немедленно успокоить бывшую жену. И в этот момент он почувствовал, как кольнуло в сердце. А затем ещё и ещё... Он медленно опустился на стул, растирая левую сторону груди, и ощутил, как в висках начинает стучать, а к горлу подкатывает тошнота.

– Тётя Глаша! – окликнул он негромко.

– Что, Санечка? – домработница показалась из кухни, вытирая мокрые руки о фартук.

– У тебя есть какое-нибудь лекарство от сердца?

Заметив его побледневшее лицо, тётя Глаша встревожилась.

– Ох ты боже мой... Сердечко прихватило? Я сейчас, сию минуту...

Она кинулась к своей сумке и зашуршала там, разыскивая нужное.

– Вот, возьми... Это нитроглицерин и валидол, положи обе таблетки под язык... Да что ж это такое, господи?

Сделав так, как сказала домработница, он на мгновение прикрыл глаза, ощущая во рту холодок лекарства. Сердце никогда раньше не беспокоило Белецкого, поэтому данная ситуация удивила и расстроила его не на шутку.

– Не суетись, тётя Глаша... – выговорил он невнятно. – Сейчас всё пройдёт. Ничего страшного.

– Да как же – ничего страшного? – озабоченно отозвалась она. – Ты, чай, не дед столетний, чтобы сердцем маяться! Наверное, из-за дочки переволновался...

Риф подошёл к хозяину, удивлённо потрогал его лапой – что, мол, с тобой происходит? – а затем деликатно положил свою умную узкую морду Александру на колени. Тот рассеянно потрепал пса по лохматой, как у льва, башке. Боль потихоньку отступала.

– Ну вот и всё, – улыбнулся он перепуганной домработнице слегка занемевшими губами. – Будем жить!

Риф недоверчиво смотрел на него янтарными миндалевидными глазами, наклоня голову то влево, то вправо.

– Ты бы, Санечка, съездил к врачу при случае, – робко посоветовала тётя Глаша. – Кардиограмму бы сделал... Мало ли, что там. Подстраховаться не помешает.

– Отставить панику, – он притворно нахмурился. – Говорю тебе, со мной уже всё хорошо. Я абсолютно здоров.

Домработница, громко и демонстративно ворча, удалилась обратно на кухню.

Виктория Белкина

– Тось, забудь ты про этот спор... Мне теперь самому смешно вспомнить, – Никита состряпал умоляющую гримасу, которая, как свидетельствовал весь его донжуанский опыт, должна была растопить даже самое каменное женское сердце. Вика поморщилась – партнёр слегка переигрывал – и изобразила в ответ праведную ярость:

– Смешно?!

– Ну... – он замешкался. – Противно!

– Противно?..

– Ну, совестно, – Никита махнул рукой. – Не придирайся ты к словам! Лучше испытай меня, если не веришь.

– Ты что – трактор, чтобы тебя испытывать? Никогда я тебя не прощу, спорщик ты... Бабник! – перевоплотившись в детдомовскую девочку Тосю, Вика старательно-торопливой скороговоркой выпаливала ему в лицо свои застарелые обиды. – Ненавижу тебя, не-на-ви-жу!!!

– Так, стоп, ребята! – Михальченко раздражённо хлопнул в ладоши, прерывая репетицию, и поморщился. – Не то, не так...

Вика с Никитой быстро и недоумённо переглянулись, не понимая, чего ещё хочет от них Мастер.

Уже несколько недель они репетировали пьесу «Девчата», написанную по одноимённой повести Бориса Бедного, а решения спектакля до сих пор не находилось. Михальченко был постоянно недоволен, хотя и сам, похоже, не знал толком, чего он ждёт от своих дипломников. Вот и сегодня – время давно перевалило за полночь, а они ещё ничего не сделали.

– Не надо мне показывать Румянцеву и Рыбникова! – злился Михальченко. – Да, они превосходные артисты, талантливые и самобытные, но создайте же собственных персонажей, не надо пользоваться чужими готовыми наработками!

– Но, Алексей Яковлевич... – нерешительно протянул Никита, ища взглядом поддержки у Вики. – Ведь люди, так или иначе, будут спектакль с фильмом сравнивать. Аналогий не избежать...

– А ты избегай, избегай, мой друг! – Михальченко всплеснул руками. – Неужели же у тебя взгляд настолько замылился, что ничего своего придумать не можешь? Я не спорю, что фильм получился отличным, добрым, всенародно любимым... Но вы ведь читали книгу?

– Читали, – кивнула Вика.

– И какие выводы для себя сделали?

– Ну... книга полнее раскрывает характеры всех персонажей.

– Так-так-так, с этого места поконкретнее! Что ты можешь сказать о Тосе? – требовательно спросил Михальченко. Вика пожала плечами и начала неуверенно перечислять:

– Тося – не такая уж правильная и наивная, у неё куча недостатков. Она беспардонная, амбициозная, с хитрецей и огромным пробелом в образовании... Как говорит про неё мама Вера: «Сейчас в тебе всё перемешано – и хорошее, и плохое. Натощак даже не разобрать, чего больше».

– Вот именно! – подтвердил Михальченко. – А что ты мне скажешь об Анфисе? – он ткнул пальцем в Лизу Старовойтову, самую красивую девушку на курсе, которой и досталась эта роль.

– Анфиска – не подлая и не стерва, – бойко зачастила студентка. – Да, она избалована своей красотой, но и страдает от неё тоже. По идее, это очень несчастный и толком никем не понятый персонаж. Из-за ошибок прошлого ей даже приходится бросить любимого человека, который хочет на ней жениться.

– А что о своей героине нам расскажет Варечка? – Мастер кивнул в сторону очередной юной актрисы. Та захлопала глазами, застигнутая врасплох, и нерешительно пролепетала.

– Надя, она... ну, некрасивая, неуверенная в себе...

– Совсем как ты сама! – тихо, как бы про себя, но довольно ехидно вставил Никита, за что тут же получил подзатыльник от Вики.

– Можно мне сказать? – «Анфиса» подняла руку. – Мне кажется, Надя тоже не так однозначна. Она обнаруживает в себе стальной стержень, демонстрирует сильный характер... Ведь в финале она всё-таки уходит от старого и нелюбимого Ксан Ксаныча.

– Вот видите! – удовлетворённо обведя взглядом группу своих подопечных, подытожил Михальченко. – Каждый герой – это личность. Индивидуальный характер! Так какого же лешего вы все прицепились к киношным образам? У вас что, нет собственных эмоций и интонаций для роли?! Вы не соотносите с персонажами лично себя, играете по чужим лекалам, и от этого ни герои вам ближе не стали, ни вы им.

Все понуро молчали, а Мастер, войдя по вкус, продолжал их безжалостно распекать:

– У нас с вами получается очень правильный учебный спектакль, – он выделил презрительной интонацией слово «правильный». – Всё сделано в соответствии с заветами наших великих мастеров. Вы не наигрываете, не рвёте глотку, создаёте вроде бы выпуклые образы... Но ни один из вас не выбивается из общего ансамбля. Всё верно, понимаете, а жизни-то нет! Как-то без огонька.

– Ну... это же всего лишь дипломный спектакль, – робко посмел возразить кто-то из толпы. Михальченко переменился в лице.

– Всего лишь?! Так вы считаете, что постановку выпускного курса нельзя судить по законам полноценного спектакля? Это, по-вашему, «недоспектакль», требующий снисходительного отношения? – он с горечью покачал головой. – Цель показа – предъявить ваши таланты на суд режиссёров и театров. А я-то думал, что вы у меня готовые артисты! Оказывается, заблуждался...

Он расстроено махнул рукой и замолчал. Студенты почувствовали неловкость.

Когда Алексей Яковлевич решил ставить «Девчат», все очень удивились. Во ВГИКе традиционно напирали на старую добрую классику, особенно на Чехова. «Три сестры» одного выпуска удручающе наслаивались в памяти на других, выведенных на театральные подмостки парой лет ранее. Одни и те же интонации, одни и те же заезженные приёмчики... Ну, ладно, если не русская классика, то хотя бы советская, недоумевали коллеги. «Зойкина квартира», к примеру, или «Утиная охота». Почему Михальченко выбрал повесть Бориса Бедного, известную только благодаря знаменитой экранизации? Кому вообще была интересна эта старомодная история – сейчас?

Мастер же доказывал, что многие проблемы, поднятые Бедным, остаются актуальными и по сей день. И... в конце концов, сколько можно палить из крупных орудий? Почему не сделать постановку просто о человеческих отношениях, о дружбе и любви?

Ни для кого не было секретом, что спектакль он ставил специально «под Вику Белкину». Его любимица, настоящая звезда курса, она уже успела засветиться в паре художественных фильмов, поэтому роль Тоси Кислицыной досталась ей без колебаний. Тем более, Вика была такая же маленькая, худенькая и энергичная, как её героиня. Несмотря на то, что по паспорту Белкина была старше большинства однокурсников (поступила во ВГИК почти в двадцать один год), выглядела она благодаря своей комплекции совсем девчонкой.

Красавчик Никита Берестов – вторая знаменитость их курса – получил роль Ильи Ковригина. Имя и физиономия Берестова были знакомы многим. С молодых ногтей он снимался в «Ералаше» и успел примелькаться на экране, а потом – ещё до поступления в институт – сыграл в историческом фильме о дворцовых переворотах. Блестяще исполнив роль самого юного коронованного императора России – Петра II – и поразив даже строгих кри-

тиков, Никита тут же обзавёлся целой армией поклонниц. Однако сам Берестов был совершенно не похож на своего киношного персонажа. Никакой загадочной отрешённости во взгляде, никакой романтической тоски – он то и дело травил похабные анекдоты и сам же заливался хохотом. Девушки висли на нём пачками, и было видно, что он привык к этому. В таланте отказать ему было нельзя, но он не делал ничегошеньки для того, чтобы как-то это развить. Всё по жизни давалось ему легко. Он был везунчиком и знал это. Тусовки на родительской даче в Подмоскowie, пьянки с друзьями, травка и девочки интересовали его куда больше, чем учёба во ВГИКе. Он и выезжал-то все эти годы только за счёт своего сумасшедшего везения и недюжинного обаяния.

– Не обижайтесь, Алексей Яковлевич, – несмело произнесла Лиза Старовойтова, выражая всеобщее мнение. – Мы понимаем, что делаем самый настоящий, «взрослый», серьёзный спектакль. Просто... ничего пока не получается, вот и нервничаем. Да и устали все...

– Да, да, устали! – с готовностью загудели остальные. – Час ночи, пора бы уже и по домам, а? У нас ещё несколько месяцев впереди, успеем!

Михальченко обречённо снял очки и потёр покрасневшую переносицу.

– Что ж... Я вас не держу, – сухо сказал он. – Время действительно позднее. Дома хорошенько подумайте над своими ролями. Завтра продолжим...

Все с облегчением похватили свои вещи и моментально испарились, боясь, как бы Мастер не передумал. Вике было очень неудобно перед Алексеем Яковлевичем – она же видела, как у него болит сердце за будущий спектакль, как он волнуется и переживает. Но она и сама жутко устала... Стараясь не встречаться с Михальченко стыдливым взглядом, Вика торопливо покинула учебный театр.

– Белкина, подвезти тебя? – окликнул её Никита, когда она выскочила из дверей института. – Поздно уже, метро закрылось.

– Надо же, какой заботливый, – усмехнулась Вика. – Это ты в роль Ильи вживаешься? Хочешь произвести на Тосю хорошее впечатление?

Вообще-то Никита не был склонен к сантиментам и раньше не баловал Вику подобными предложениями. Их отношения можно было назвать, скорее, саркастически-язвительными: они постоянно подкалывали друг друга, подшучивали и старались словесно поддеть. Откровенно говоря, Вика в глубине души считала Никиту довольно поверхностным, пустым мальчишкой и балаболом. Поэтому тот факт, что он специально поджидал Вику, несказанно её удивил.

– Да ладно, не бойся, я не собираюсь тебя насиловать, – улыбнулся он. – Просто реально беспокоюсь, как ты до дома доберёшься. Что ж тебя муж не встречает?

– Муж на хозяйстве остался, – пожал плечами Вика. – У нас же семеро по лавкам, ты забыл?

На самом деле, конечно, она иронизировала. У них с Даней был только один ребёнок – сын Ванечка, которому недавно исполнилось два года: ласковый, общительный и весёлый малыш, умеющий сразу же располагать к себе людей и беззастенчиво пользующийся этим в своих целях.

– Ну так что, поехали? – пропустив шутку мимо ушей, продолжал уговаривать Никита. Вика вглянула на него с удивлением: надо же, какой настойчивый... Неужто и правда переживает?

– Спасибо, Никитос, но не стоит ради меня пилить на другой конец Москвы. Я остановлю какого-нибудь частника. Подвези вон лучше... Варечку, – Вика кивнула в сторону однокурсницы, показавшуюся из дверей ВГИКа. – Она умрёт от счастья.

Никита покосился на тихонькую, серенькую, неуклюжую Варю. Та пересеклась с ним взглядом и вспыхнула. Никита еле заметно поморщился – то, что девушка влюблена в него

с самого поступления, не было секретом ни для него самого, ни для всего курса. Впрочем, Варечка не предоставила ему шанса подбросить её домой – неловко сгорбившись, она заспешила в сторону метро, всем своим видом демонстрируя, что не хочет никому становиться обузой, мешать и навязываться.

– Эх, упустил своё счастье, дамский угодник! – шутливо посетовала Вика, а затем попросила:

– Лучше помоги-ка мне тачку поймать. Заодно и подстрахуешь, чтобы водитель нормальный попался...

– Ну, как знаешь, – он пожал плечами.

Частника они остановили довольно быстро. Никита демонстративно записал номер машины и строгим голосом велел Вике позвонить, как только она доедет до дома. Звонить она, разумеется, не собиралась, но на водителя это должно было произвести устрашающее впечатление, дабы он воздержался от всяческих вольностей.

Впрочем, предосторожности оказались напрасными. Водитель узнал Вику и страшно обрадовался, что ему выпала честь отвезти домой самую настоящую актрису. С ней это случилось нечасто, но иногда такие «узнавания» были очень вовремя и играли ей на руку. Так и теперь – воодушевлённый паренёк даже отказался брать деньги за дорогу, только робко попросил разрешения сделать с ней селфи на свой мобильник.

Когда она добралась домой, было уже два часа ночи. Разумеется, Данила встретил её в некотором раздражении.

– Позвонить ты, само собой, не додумалась, – упрекнул он жену, открывая дверь. – Как и проверить список пропущенных вызовов...

– Ой! – она стукнула себя по лбу. – Данечка, прости, пожалуйста! Пока репетировали, я отключила звук у телефона, а потом и вовсе забыла про него...

– Ну конечно. Что тебе такая мелочь, как волнующийся муж, – ворчливо отозвался он. – Я тут места себе не нахожу... И самое главное – даже заехать за тобой не могу, Ваньку не на кого оставить!

– Ну прости, прости, милый, – она прижалась к нему, обняла и поцеловала в щёку. – Я просто безумно устала и плохо соображала от этого. Ванечка спит?

– Спит, конечно. Десятый сон видит...

– А ты сам во сколько домой вернулся?

– В половине одиннадцатого. Тоже сегодня вернулся позже, чем рассчитывал. Няню тут же отпустил, пришлось заплатить ей сверхурочные... Как раз застал момент, когда она Ваньку спать укладывала, – Данила не сдержался и широко улыбнулся.

– А что такое? – заинтересовалась Вика, стаскивая с ног сапоги.

– Да он меня увидел, с кровати соскочил – и бегом ко мне, кричит: «Папа, я хочу тебя обнять!» А Наталья Ивановна ему говорит – нельзя, мол, детям ночью по квартире бегать, в тёмном углу может баба Яга прятаться...

– Идиотка, – в сердцах выдохнула Вика. – Только запугиваний Ване и не хватало!

– Запугаешь его! – Даня уже с трудом сдерживал смех. – Он ей тут же в ответ храбрым голосом: «А папа возьмет веник и бабу Ягу побьёт!»

Вика улыбнулась.

– Да уж, бабой Ягой его не проймёшь... Зато недавно увидел в книжке портрет Гоголя и говорит мне: «Ой, какой дядя стлашный!»

Данила рассмеялся, а затем, бросив потеплевший взгляд на Вику, спохватился:

– Малыш, ты же голодная, наверное?

– Ужасно, – созналась Вика. – Слона готова сожрать!

– Ну, ты пока умывайся-переодевайся, а я тебе пельмени сварю, хочешь? – предложил он.

– Спасибо, Данечка. Было бы здорово! – выдохнула она с признательностью.

На кухне, устроившись в уголке за столом и согрившись, Вика почувствовала, что её неумолимо клонит в сон. Данила колдовал над бульоном для пельменей, бросая туда то лавровый лист, то несколько горошин чёрного перца, то какие-то пахучие грузинские приправы.

– Ты прямо как твой дедушка, – засыпающим голосом пробормотала разомлевшая Вика. Покойный дед Данилы, Анатолий Иванович, был поваром, но даже выйдя на пенсию, продолжал баловать домашних всевозможными кулинарными изысками: Вика до сих пор не могла забыть вкус его необыкновенных блинов, томлёных в сметане, а также лапшевника, курника, ватрушек с малиной...

Ей посчастливилось пересечься с легендарным дедулей лишь однажды, когда она приезжала к Дане на его малую родину, в Ялту. Это было четыре года назад. Она только-только поступила во ВГИК, и их отношения с Данилой находились в самом зачатке. Тогда же Вика впервые в жизни увидела море. А ещё в то необыкновенное лето с ней случилось такое, что воспоминания до сих пор заставляли её щёки краснеть...

Вика сердито встряхнула волосами, отгоняя будоражащие картинки из прошлого. Однако подсознание уже услужливо подсунуло ей образ: чёрные шелковистые волосы, небрежно падающие на высокий ровный лоб; пронзительные синие глаза, глубокие, как море, в еле заметных лучиках улыбочивых морщинок; рот и губы идеальной формы, прямой красивый нос... «Чёрт бы тебя побрал, Белецкий!» – выругалась Вика мысленно, чувствуя, как всю её опалило жаром. Реакция на мысли об Александре была чисто физиологической, и она не могла этого не понимать. У неё давно уже не осталось чувств к нему – всё перегорело. Однако при воспоминаниях о тех ночах, что они провели вместе, Вику словно начало кружить в водовороте гормональной бури. Ей больше никогда и ни с кем не было так хорошо, как с ним... И так плохо.

В то злополучное лето Александр Белецкий приехал в Ялту на съёмки исторического фильма «Печаль минувших дней». Вика и Данила подружились со съёмочной группой и весело проводили время все вместе, актёрской тусовкой, но, к своему ужасу и стыду, Вика поняла, что отчаянно влюбилась в красавца-артиста с первого взгляда. И это при том, что она приехала в Крым в качестве Даниной официальной девушки, пользовалась его гостеприимством, жила в его доме и ела его хлеб!!! Она долго боролась с этими непрошенными чувствами, морально лупцую саму себя по физиономии, и старалась ничем не выдать вспыхнувшей страсти. Впрочем, Белецкий и в самом деле ничего не замечал – ему не было до Вики особого дела, в тот период он крутил роман со своей партнёршей по фильму, роковой красоткой Марией Золотовой.

Да, не сразу Вике удалось его соблазнить. Это случилось много месяцев спустя, уже в Москве. Жёлтые СМИ тогда долго пережевывали косточки всем героям этой истории: скандал, скандал! Прямо во время светской вечеринки начинающая актрисулька бросила своего бойфренда, Данилу Стрельникова, и сбежала с сердцеедом Белецким!..

Впрочем, с Александром они вместе долго не продержались. Это была любовь-отчаяние, любовь-боль. Иногда Вика думала, что лучше бы им с Белецким никогда не встречаться... но тут же одёргивала себя: всё в этой жизни посылается нам для чего-то. «You live you learn, you love you learn, you cry you learn, you lose you learn, you bleed you learn, you scream you learn», – пела Аланис Мориссетт. Живёшь – и учишься, любишь – и учишься, плачешь, теряешь, истекаешь кровью и кричишь – и всё время чему-то учишься... Что ж, Вика – актриса. Благодаря Белецкому она теперь знает, как играть любовь. Во всех её, даже самых отвратительных, проявлениях.

– Совсем засыпаешь? – сочувственно спросил Данила, увидев, что она низко опустила голову. Вика подняла на него виноватые глаза и еле заметно кивнула. Ей было невыносимо стыдно, словно муж застал её за чем-то непристойным. Но ведь она по-настоящему любила Данилу и была верна ему...

– Уже почти готово, – сообщил муж. – С чем ты будешь есть? Со сметаной?

– Да, пожалуйста... – отозвалась она еле слышно, всё ещё не в силах стряхнуть наваждение.

Муж бухнул перед ней на стол благоухающую глубокую мискупельменей с бульоном, способную утолить голод роты солдат. Вика не выдержала и засмеялась:

– Зачем столько?

– Ну, ты же сказала, что готова сожрать целого слона, – невозмутимо отозвался он и, наклонившись, поцеловал её в макушку. – Ладно, ты ужинай, приятного аппетита, потом сложишь всё в посудомойку. А я пошёл в душ.

Спустя полчаса Данила, выйдя из ванной комнаты, заглянул на кухню и обнаружил там следующую картину: положив голову на скрещенные руки возле миски с давно остывшими пельменями, Вика крепко и безмятежно спала.

Галина Тесленко

Прослушивание в «Останкино» Галинка запомнила весьма смутно, словно это всё происходило не с ней, а с кем-то посторонним.

Ей вообще до последнего не верилось, что она, наконец, в Москве. Она никогда прежде не бывала в столице, несмотря на то, что с этим городом было связано множество наивных и романтических мечтаний. Сколько бессонных ночей она провела, думая о том, как однажды приедет-таки сюда!..

Однако, получив в феврале официальный конверт от главного телеканала страны с приглашением на кастинг, Галинка так растерялась, что даже забыла обрадоваться. А обрадоваться, пожалуй, стоило – её отобрали из тысяч других участников... её зовут на музыкальное шоу «Голос России»!

Вернее, начиналось всё, конечно же, не с этого.

Перед самым Новым годом Галинка услышала по телевизору объявление о кастинге на следующий сезон проекта и зачем-то заполнила анкету на их сайте, не веря в успех ни секунды. Она с детства любила петь – особенно хорошо удавались ей украинские народные песни, которые частенько распевала мама. Но Галинка понимала, что едва ли в шоу подобного уровня берут людей с улицы, и предполагала, что там всё давно уже схвачено: попадают в проект только свои, по блату или за большие деньги. Однако, благоразумно рассудив, что ничего не потеряет, Галинка всё же отправила небольшой рассказ о себе, присовокупив лучшую фотографию и аудиофайл с записью её пения.

Получив пригласительное письмо от руководства телешоу, Галинка не сразу осмелилась поверить в то, что ей улыбнулась удача. Приехать на прослушивание нужно было уже через неделю, поэтому она спешно кинулась покупать билет. Пришлось лететь самолётом: если раньше по маршруту «Симферополь – Москва» ещё ходили поезда через территорию Украины, то после присоединения Крыма к России стала возможна только сложная многоходовка – со сменой автобусов и поездов, переправой на пароме в Керчи и прочими неудобствами. Говорили, что можно приобрести некий «единый билет», но что это такое, никто из её знакомых толком не знал, а рисковать Галинка не хотела.

Мать наблюдала за её лихорадочными собрами с явным осуждением. Но в последний год отношения у них и так разладились. Галинке осознавала это с горечью, потому что прежде они с мамой были лучшими подружками, самыми родными, дорогими и близкими друг другу людьми. Тётя Ксана, как к ней обращались все соседи от мала до велика, души в Галинке не чаяла, называя дочку исключительно ласкательными прозвищами: Галюсей, кыщоней, донечкой и сонечком. Девочка была её отрадой, поздним и единственным ребёнком. Муж ушёл, когда малышке не было и года – вот мать и вложила всю свою нежность в обожаемую кровиночку...

Теперь же тётя Ксана держалась с дочерью холодно и отстранённо – как бы банально и смешно это ни звучало, они не сошлись на политической почве. Мать категорически не одобряла того, что Крым стал территорией России; дочка же страшно радовалась этому обстоятельству и одной из первых получила российский паспорт. Вот так в одной семье сошлись две крайности – люди с диаметрально противоположными взглядами.

Когда Галинка пинками и затычками загоняла в дорожную сумку свои нехитрые пожитки, безжалостно вываливающиеся наружу, мать всё же разомкнула полоску поджатых губ и сухо осведомилась:

– Колы повернешся?

Она всегда разговаривала с дочерью по-украински, несмотря на то, что прекрасно знала русский язык. Это было принципиально. Галинка училась русскому самостоятельно –

во дворе с подружками, в детском саду и в школе, слушая пластинки и бегая в кино... Они с матерью без проблем понимали друг друга – каждая разговаривала на том языке, на котором ей было комфортнее. Теперь же, на почве геополитических разногласий, «ридна мова» матери стала носить подчёркнуто демонстративный характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.